

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-112

КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВА *ТРУД* В XX ВЕКЕ: РЕФЛЕКСЫ ДРЕВНЕРУССКОГО КОНЦЕПТА

© 2019 г.

А.В. Алексеев

Московский городской педагогический университет, Москва

avalekseev74@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.04.2018

Исследуются изменения символической составляющей концепта *труд* от древнерусского периода до XX века. Используются методы Петербургской школы концептологии и исторической лексикологии. Концепт *труд* анализируется с помощью лексико-семантического описания имени концепта, его производных и синонимов. Установлена преемственность средств выражения культурной значимости от древнерусского языка до современного: синонимическая пара *трудь и подвижь* – генетивная конструкция *подвиг труда* – устойчивое выражение *трудоу подвиг*. Установлено, что символическое значение «тяжелый труд – приближение к Богу» было преобразовано в истории русского языка в символическое значение «тяжелый труд – гражданское достоинство».

Ключевые слова: историческая лексикология, лексическая семантика, культурная значимость, концепт, лексема *труд*, семема, семантический признак, древнерусский язык, образ, понятие.

В современном русском литературном языке основное прямое значение слова *труд*, «целесообразная деятельность человека» [1, с. 1348], отражает научное понятие, используемое в экономике, социологии и смежных дисциплинах. Такое значение выражает понятийную форму концепта в трактовке Петербургской школы концептологии, в соответствии с которой имя концепта (слово) признается основным его репрезентантом, а в семантической структуре выделяются минимум три содержательные формы: понятие, образ и символ. Эти формы преобразуются в истории языка и исследуются средствами исторической лексикологии, поскольку «каждое слово в потенциале способно пройти путь семантического развития от первоначального неопределенного образа до культурного символа через стадию понятия» [2, с. 34].

Неосновные значения современного слова выражают образную составляющую концепта, которая отличается от понятийной неопределенностью границ, уточнением содержательных признаков при употреблении слова. Закономерно толковые словари современного русского языка не вполне последовательны в характеристике неосновных значений *труда* (при определении их количества, разграничении, описании). Словарь С.И. Ожегова (1975 г.) выделяет четыре значения *труда* [3], словарь

Д.Н. Ушакова – четыре значения (не тождественные словарю С.И. Ожегова) и два оттенка [4], словарь С.А. Кузнецова – пять значений и один оттенок [1], в МАС – три значения и три оттенка [5], в БАС – шесть значений и семь оттенков [6]. Словарные толкования различаются не только степенью подробности, но и определением границ между семемами: у С.И. Ожегова и С.А. Кузнецова указано отдельное неосновное значение «работа, занятие»; в МАС и у Д.Н. Ушакова синоним *работа* используется при толковании первого, основного значения; в МАС выделен оттенок основного значения «повседневные занятия, хлопоты, заботы»; в БАС «деятельность» и «работа» – самостоятельные значения, а «конкретное занятие» и «хлопоты, заботы» – оттенки значения «работа».

Таким образом, семантические аспекты, выражаемые синонимами слова *труд*, разграничены лексикографами так (фигурными скобками выделены значения, обычными – оттенки): Д.Н. Ушаков: {деятельность – работа} – {занятие – забота}; БАС: {деятельность} – {(работа) – (занятие) – (забота)}; МАС: {(деятельность – работа) – (занятие – забота)}; С.И. Ожегов: {деятельность} – {работа – занятие}; Кузнецов: {деятельность} – {(работа – занятие) – (забота)}. Подобное разграничение зависит от способа отражения понятия в толковании лексического

значения. С.И. Ожегов, БАС, С.А. Кузнецов выделяют особое значение, соотносимое с научным понятием «целенаправленная деятельность», противопоставляя его второму, образному значению. Причем БАС делает это наиболее последовательно, демонстрируя при помощи системы оттенков вариативность образного значения, его зависимость от контекста. Д.Н. Ушаков и МАС толкуют основное значение *труда* фактически с опорой на языковое, обыденное понятие, которое формируется в языковой картине мира в результате расширенной реализации понятия научного: в обыденной речи не соблюдается понятийная точность различительных признаков, внимание говорящего сконцентрировано не на интенционале (содержании понятия), а на экстенционале (объеме понятия), то есть словом выражается преимущественно наглядный образ. Характерно, что для указания на неосновные значения словари преимущественно используют синонимические толкования («работа, занятие», «хлопоты, заботы» и др.): в значении, отражающем образную форму концепта, сложнее выделить различительные признаки.

При описании места слова-концепта в культуре его понятийная форма наименее информативна, поскольку понятия имеют, как правило, наднациональный, универсальный характер. В то же время образная часть концепта обладает национально-исторической спецификой, и семантическая структура многозначного слова за счет репрезентации неосновных значений эксплицирует концепт в значительной полноте. Соответственно *труд* – это деятельность, понимаемая как «конкретные занятия», «хлопоты, заботы», «усилие, старанье» [6], то есть осмысленная деятельность человека, связанная с преодолением трудностей. Эти собственно лексикологические выводы, связанные с описанием отдельного слова, находят подтверждение в более широких исследованиях концептологов: отмечается что *труд* – это «напряженная и длительная (ср. «усилие, старанье». – А.А.) творческая (*трудная*) деятельность, осуществляемая по долгу совести («терпение и труд всё перетрут») с особым вниманием к процессу (*трудоу*) (ср. «хлопоты, заботы». – А.А.), а не к результату его, как в деле (вещь), и не к его качеству, как в работе (*грязная работа*)» [7, с. 398].

Из приведенной цитаты видно, что слово-концепт формируется за счет оппозиций в системе, в том числе за счет синонимических оппозиций. Тот же принцип действовал и в древнерусский период, причем образная составляющая концепта была шире, а ряд синонимов был иным, нежели в современном языке. Исто-

рические словари выделяют от тринадцати до двадцати четырех семем древнерусской лексики *трудоу* (в качестве семем целесообразно рассматривать и значения, и их оттенки, поскольку, как показано выше, граница между ними не может быть отчетливо определена даже для современного материала). Подобная широкая многозначность включает аспекты древнерусского образа, как сохранившиеся в современном языке, так и утраченные впоследствии: «физическое напряжение», «усилие», «физическое страдание», «изнурение», «боль», «болезнь», «горе», «беспокойство», «забота», «услуга», «старание», «занятие», «поступок», «деятельность», «результаты деятельности» (подробнее см. [8, с. 132–133]). Описание аспектов образа позволяет сделать выводы о месте *труда* в древнерусской культуре: труд обязательно был связан со значительным физическим и психическим напряжением, доходившим до страдания. Синонимами слова *трудоу* являлись существительные *печаль, скърбь, бользнь, страсть*: концепт выражал категорию мученичества, сегодня отчасти отражаемую только производными словами: *натрудить* «привести в болезненное состояние». Подобная семантика является наследием общеславянского концепта, в котором «присутствует отношение к работе, труду как к чему-то тяжелому, насильственному» [9, с. 106].

Помимо перечисленных выше, древнерусское слово *трудоу* выражало также значения «благочестие», «подвижничество», «грех (борьба с грехом)», «духовный подвиг»: такие семемы выражали символическую часть концепта. В структуре современного полисеманта *труд* символические признаки не реализуются в виде особых значений: для их выделения необходим анализ культурных коннотаций в тех или иных контекстах. В древнерусском языке последовательно реализовывался особый тип лексического значения – символическое; его основное свойство – удвоение означаемого. Анализ подобных значений позволяет наиболее уверенно говорить о ценностном уровне концепта, поскольку именно «в системе духовных и культурных ценностей народа слова нередко получают новое, символическое значение» [10, с. 49].

В церковных контекстах, связанных с тематикой аскетизма и духовной борьбы, выражаемый древнерусским словом *трудоу* образ физического страдания становился означаемым для выражения христианской добродетели, возникало характерное для символа удвоение означаемого: *трудоу* => {«физическое страдание» => «освобождение от греха (от греховных страстей), приближение к Богу»}. Фигурными скоб-

ками здесь обозначена структура символического значения, ср. употребление слова в Житии Феодосия (подчеркнуты маркеры первичного и вторичного означаемого): *Отць же нашъ Феодосій предавъся Богу и преподобьнууму Антонию, и оттолъ подаешся на труды те-лесьныя, и бдѣше по вся ноци въ славословле-нии Божии, съньную тягость отвергъ, къ въздържанию же и плтью своюю тружася, рукама дѣло свое дѣлая* [11]. Указанные выше семемы «духовный подвиг», «подвижничество», «благочестие», «борьба с грехом» обладали схожей символической структурой: {«страдание, тяготы» => «приближение к Богу»}; поэтому все перечисленные семемы могут рассматриваться как различные оттенки единого символического значения. Такими оттенками выражалось мировосприятие православного аскетизма, в соответствии с которым только через преодоление земных трудностей, через физическое страдание возможно достичь спасения души.

Реализация символического значения слова *трудоу* определялась свойствами синтагмы – употреблением эпитетов *тѣлесьныи, чьрньчьскыи*, субстантивов в родительном падеже *святыи, мученикъ, стратотьрпньныи*. Кроме того, для указания на ‘благочестие, подвижничество’ использовалось распространенное древнерусское средство номинации символических смыслов – парное сочетание синонимов. В Успенском сборнике (XII–XIII вв.) из 65 случаев употребления слова *трудоу* в 33 контекстах представлено символическое значение «благочестие, подвижничество», из этих контекстов в одиннадцати использованы парные сочетания: *трудоу и въздържание, трудоу и молитва, съмьрение и трудоу, трудоу и подвизание, трудоу и подвижение, подвигъ и трудоу, страсть и трудоу*. В отдельных контекстах наблюдается объединение нескольких пар в развернутый ряд, ср.: *въгроу и подвигьмь дѣяннй ихъ и трудоу собою съкньчавающа*. Усп. сб. 111г [12]. Наиболее последовательно символическое значение актуализируется сочетанием слова *трудоу* с лексемой *подвигъ* и ее производными *подвизание, подвижение*; также неоднократно встречается в Успенском сборнике глагольное словосочетание *подвизати сѧ трудоу* (тв.п.).

В синонимической паре *трудоу и подвигъ* (*подвигъ и трудоу*) первый компонент, *трудоу*, выражал означаемое символа, «физическое страдание, напряжение», второй, *подвигъ*, – означаемое символа, «движение к Богу». В древнерусском языке сочетание *подвигъ – трудоу* не было самым распространенным ни для

слова *трудоу*, ни для слова *подвигъ*. Регулярным сочинительное сочетание *подвигъ – трудоу* стало в церковнославянском языке: в соответствующем подкорпусе НКРЯ – 42 вхождения сочетания *подвигъ и трудоу* (чаще во множественном числе, иногда с распространением другими синонимами); сочетание *трудоу и подвигъ* (и в единственном, и во множественном числе) имеет 62 вхождения. Ср.: *Мнозиу подвигъ и трудоу потребень въ молитвахъ, якъ да вбращемъ несмуженное состоянйе мысли. Добротолубие, ч. 2* [13]. *Но и време не долга, и трудоу да и подвига тѣлесна же и душевна не мала, и понужденйя многа и продолжителна ко исправленйю требуютъ. Добротолубие, ч. 2* [13].

С XVII века преобладающей единицей русской ментальности сделалось понятие как содержательная форма концепта, ориентированная на логическое мышление [14, с. 402]. В этих условиях символические значения слова *трудоу* начали утрачиваться, хотя в письменной традиции они сохранялись до начала XVIII столетия (подробнее см. [8, с. 136–137]). Со второй половины XVIII века понятийное содержание концепта *трудоу*, несомненно, осознавалось как более актуальное по сравнению с символическими и образными аспектами: об этом свидетельствуют словарные толкования в академических словарях конца XVIII – начала XIX вв. Ср.: «1) Упражнение; употребление тѣлесныхъ силъ или разума на совершение какой-либо вещи, работы съ нѣкоторымъ напряженіемъ ума или съ заботою. Кійждо свою мзду прійметъ по своему труду. I Коринѣ. 5. 8» [15, с. 797]. В приведенном толковании основное значение соответствует понятию, вместе с тем образный и символический аспекты концепта также в некоторой степени отражены словарем. Образная часть концепта (устаревающие семемы) указана в качестве дополнительных признаков основного значения (выделены в цитате подчеркиванием). Символический аспект концепта (культурная значимость *труда*) показан через прецедентное употребление слова *трудоу* в тексте Евангелия.

Однако в середине XIX века академический словарь 1847 г. уже не отразил подобных коннотаций, сохранив только понятийные признаки: «1) Упражнение въ работѣ. Возмите на себя трудоу изслѣдовать это дѣло» [16, с. 302]. В толковании В.И. Даля (1866 г.) учтены образные признаки: «работа, занятіе, упражненье, дѣло; все, что требуетъ усилій, старанья и заботы; всякое напряженье тѣлесныхъ или умственныхъ силъ; все, что утомляетъ» [17, с. 399]. В примерах употребления В.И. Даль указал сочетаемость с актуализацией символической коннота-

ции («Велики труды его къ Богу (богомоль, великопостникъ»)), однако такое употребление не отграничено в словаре от всех прочих, образных – видимо, символическое значение не осознавалось и не вычленилось.

В текстах XIX века по-прежнему употреблялось для выражения символического значения традиционное сочинительное сочетание *подвигъ и трудъ* – в рамках церковно-религиозного и/или сознательно архаичного дискурса: *Так пожила блаженная Юлиания! Таковы ее подвиги и труды.* Ф. И. Буслаев. Идеальные женские характеры Древней Руси (1858) [13]. *Если направишься на великое пощение, бдение, подвиги и труды, потом ослабеешь в них: то не малодушествуй...* Епископ Игнатий (Брянчанинов). Отечник (1863) [13]. В этих случаях реализовывалось традиционное символическое значение {«физическое страдание, напряжение => приближение к Богу»}. Вместе с тем в текстах XIX века можно видеть пути преобразования традиционного парного синонимического сочетания. За каждым из элементов прежней пары закреплялись определенные стороны концепта, связанные с сословным осознанием ценности труда, и вместо устойчивой синонимической пары возникал свободный ряд однородных членов. Ср. пример с использованием уточняющих определений: *...говорил мне безрукий старик Скобелев, столько же известный своими военными подвигами, как и литературными трудами...* М.А. Корф. Записки (1838–1852) [13]. В подобных случаях реализовывалось уже не единое символическое значение, но отдельные понятийные: *подвиг* «воинская доблесть», *труд* «созидательная умственная или физическая деятельность».

На рубеже XIX–XX веков, по данным НКРЯ, была впервые зафиксирована в письменности подчинительная конструкция *подвиг труда*. Первоначально для слова *подвиг* было возможным управление родительным падежом только по отношению к однородному ряду: *Вы не поверите, с каким наслаждением я перечитываю теперь деяния народов, подвиги ума и труда.* В.П. Авенариус. Школа жизни великого юмориста (1899) [13]. Одинокое несогласованное определение *труда* обнаруживается только в контексте общественного (социально-экономического) понимания трудовой деятельности: *...дум о будущем, о полном превращении в крестьянина и о подвиге труда на пользу ближних.* А.К. Шеллер-Михайлов. Дворец и монастырь (1900) [13].

Употребление генетивной конструкции *подвиг труда* сделалось регулярным уже в советский период, в контексте революционной и со-

циалистической идеологии: *Я уверен, что люди, убитые за три года войны, сумели бы в это время осушить тысячеверстные болота нашей родины, оросить Голодную степь и другие пустыни, соединить реки Зауралья с Камой, проложить дорогу сквозь Кавказский хребет и совершить целый ряд великих подвигов труда для блага нашей родины.* Максим Горький. Несвоевременные мысли (1917–1918) [13]. С помощью генетивной конструкции, более соответствующей синтаксису современного русского языка, чем древнерусская синонимическая пара, в XX веке происходила экспликация новой культурной коннотации и реализовывалось новое символическое значение. В приведенном примере означающее и означаемое символа могут быть соотнесены следующим образом: {«сложные и тяжелые общественные работы (задачи)»: *осушить болота, оросить степь, проложить дорогу =>* «гражданский идеал советского человека»: *благо родины*}. Частотность генетивной конструкции *подвиг труда*, по данным НКРЯ, была не слишком велика, однако данное сочетание употреблялось не только в первые годы советской власти, но и в более позднее время: *Это был памятник создателям первых искусственных спутников Земли, совершившим этот подвиг труда, изобретательности, отваги.* И.А. Ефремов. Туманность Андромеды (1956) [13].

Однако основной номинацией для новой концептуальной формы стала в XX веке атрибутивная конструкция *трудовой подвиг*. Такая конструкция впервые была употреблена в письменности, по данным НКРЯ, в конце XIX века, но нового концептуального смысла она при этом еще не выражала: *А тебе – куда же сладить с ним, эзопом? Если уже хочешь непременно принять на себя в супружестве трудовой подвиг, так найди жениха хорошего, трезвого, работающего... а это — что?! Сказано: гнусь-человек, гнусь он и есть...* А.В. Амфитеатров. Мечта (из сборника «Бабы и дамы») (1893) [13]. В приведенном примере можно наблюдать юмористическое переосмысление традиционных коннотаций. До 1944 года в художественной литературе и чаще в публицистике 30-х годов отмечаются единичные употребления выражения *трудовой подвиг*, при этом уже выражается коннотация советского коммунизма: *Огромная сила социалистического притяжения неудержимо влекла людей на трудовые подвиги, и если были у каждого человека свои побочные, личные побуждения, элементы тщеславия, корысти, карьеризма – эти чувства перерабатывались, оттирались, вытеснялись основным характером движения....* В.К. Кетлинская. Мужество (1934–1938) [13]. Как пока-

зывает график частотности НКРЯ, при распределении найденных 117 вхождений по годам резкий пик частотности выражения *трудовой подвиг* приходится на середину 40-х – середину 50-х годов – после предшествующих единичных примеров. В последующие годы вплоть до нашего времени сохраняется меньшая, но сравнительно устойчивая частотность, которая, видимо, свидетельствует о состоявшейся фразеологизации выражения *трудовой подвиг*.

Введение атрибутивной конструкции *трудовой подвиг* в активный речевой оборот было связано с речью И.В. Сталина, посвященной 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции, – в 1944 году. Характерно, что в предшествующих выступлениях И.В. Сталина слово *труд* использовалось без коннотации, в прямом номинативном (понятийном) значении, в социально-экономическом контексте: *Основной силой в деле переделки крестьянина в духе социализма является новая техника в земледелии, механизация земледелия, коллективный труд крестьянина, электрификация страны*. И.В. Сталин. Об индустриализации и хлебной проблеме (1928) [13]. Только с началом Великой Отечественной войны в текстах И.В. Сталина появляется слово *подвиг*, а употребление слова *труд* начинает сопровождаться коннотацией – например, за счет употребления эпитета: *Можно с полным основанием сказать, что самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю, наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины*. И.В. Сталин. Доклад ... по случаю 26-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции (1943) [13]. И лишь в указанной выше речи 1944 года произошло соединение двух номинаций в одном атрибутивном сочетании *трудовой подвиг* – точнее можно сказать, что была произведена реконструкция, теперь уже в советском употреблении, древнейшей, церковнославянской парной номинации. О том, что смысловой потенциал атрибутивной конструкции осознавался автором, свидетельствует следующий факт: в указанной речи слово *подвиг* употреблено пять раз, из них три раза в составе рассмотренного словосочетания, ср.: *Рабочий класс Советского Союза совершил великий трудовой подвиг в нынешней войне*. И.В. Сталин. Доклад... по случаю 27-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции (1944) [13].

Для понимания сформировавшейся семантической структуры рассмотрим контекст с выделением маркеров символического значения: *...Беспримерные трудовые подвиги советских*

женщин и нашей славной молодежи, вынесших на своих плечах основную тяжесть труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах; трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм. И.В. Сталин. Доклад по случаю 27-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции (1944) [13]. Первый из выделенных маркеров актуализирует означающее символа, образ тяжелого труда; второй маркер актуализирует символическое означаемое, культурную ценность. Можно заключить, что в 1944 году в речи И.В. Сталина было актуализовано новое символическое значение: *трудовой подвиг* => {«тяжелый, самоотверженный труд» => «гражданское достоинство советского человека, любовь к Родине»}. С момента указанного употребления выражение *трудовой подвиг* стало воспроизводиться в готовом виде и приобрело статус фразеологизма.

У нового символа означающее соотносилось в первую очередь со словом *трудовой*, означаемое – со словом *подвиг*. Рассмотренная структура отражает преобладание советской концептосферы по отношению к концептосферам церковнославянской и древнерусской. При сохранении семантической модели – {«тяжелый труд» => «сакральная ценность (движение к Богу → гражданское достоинство)»} – произошла трансформация синтаксической модели: *подвиг и труд* → *подвиг труда* → *трудовой подвиг*. Несмотря на то что главным компонентом рассмотренного словосочетания является слово *подвиг*, приведенное выше символическое значение, несомненно, эксплицирует культурную коннотацию слова *труд*, является элементом его советской культурной значимости.

Выражение *трудовой подвиг* наиболее активно употреблялось в «сталинский» период в публицистическом стиле, при этом сакральные ценности могли уточняться: *Волго-Донской судоходный канал имени В.И. Ленина, торжественное открытие которого было отпраздновано 27 июля, вдохновляет советский народ на новые трудовые подвиги во имя торжества коммунизма*. Анатолий Антонов. Голоса молодых (1952) // «Сталинское знамя», 1952.08.03 [13]. Закрепление устойчивого словосочетания *трудовой подвиг* в языке подтверждается его регулярными поздними фиксациями: *...И частица его трудовой сноровки, умелости, прекрасной рабочей удали несомненно сливается с историческим трудовым подвигом народа, прошедшего пятилетки, годы войны и послевоенного строительного напряжения*. А.Т. Твар-

довский. Рабочие тетради 60-х годов (1964) [13]. В тех случаях, когда фразеологизм проникал в разговорный стиль, происходило переосмысление его содержания и коннотации, в результате утрачивалось указанное выше символическое значение: *Так что по части обзора трудовых подвигов Саньки – тебе, Миха, первое место и золотая медаль.* Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970) [13]. В современном языке деконструкция символического значения сопровождается указанием на устойчивый и прецедентный характер выражения: *Поэтому мы не видим ничего особенного в словосочетании «трудовой подвиг», напротив, оно стало для нас привычным с детских лет.* Светлана Леонтьева. Трудовое детство // Отечественные записки, 2003 [13].

Проведенный анализ демонстрирует историческую устойчивость и одновременно подвижность концепта *труд*: наблюдается воспроизведение и преобразование церковнославянской культурной значимости в языке советской эпохи. Для XX века характерно взаимное проникновение в параллельные дискурсы номинаций концепта, связанных с церковнославянской традицией, с одной стороны (*труды и подвиги*), и актуальных для советской идеологии, с другой (*трудовой подвиг*). Ср.: *Свершилось... Народ наш достиг вершин своих трудов и подвигов. Неслыханная высота истории. Невиданное время.* Н. Погодин. *Свершилось!..* (1945) // Известия, 1945.05.09 [13]. *...Пребудет бессмертным имя этого мудрейшего святителя Православной Церкви, выдающегося церковного деятеля, трудового подвиг которого составит эпоху в жизни Церкви.* Николай (Ярушевич), Митрополит Крутицкий и Коломенский. Слово, сказанное в Патриаршем соборе в день годового поминовения Святейшего Патриарха Сергия (15 мая 1945 г.) // Журнал Московской Патриархии, 1945. № 06 [13]. Таким образом, следует признать, что советский концепт *труд* и в обиходном, и в символическом планах отражал национально-историческую специфику русской культуры во всей ее полноте.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Серия 2: История, языковедение, литературоведение. 1992. № 3. С. 30–40.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1975. 846 с.
4. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 1502 с.
5. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / Под ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
6. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 17. М.–Л.: Академия наук СССР, 1965. 2126 с.
7. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П.–Я. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
8. Алексеев А.В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики. М.: МГПУ, 2013. 164 с.
9. Маркова Е.М. Типология семантических трансформаций праславянской лексики и ее отражение в русском языке. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 254 с.
10. Бабурина К.Б. Этнолингвистический аспект в исторической лексикографии // Вопросы языковедения. 1997. № 3. С. 48–52.
11. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997. 527 с.
12. Успенский сборник XII–XIII вв. М.: Наука, 1971. 768 с.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 25.12.2015).
14. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.
15. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб.: Императорская Академия Наук, 1822. Ч. VI. 1478 с.
16. Словарь церковно-славянского и русского языков. Т. IV. СПб.: Императорская Академия Наук, 1847. 408 с.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Типография Т. Рись: 1866. 626 с.

THE CULTURAL MEANING OF THE WORD *TRUD* (WORK) IN THE 20TH CENTURY: THE REFLECTION OF THE OLD RUSSIAN CONCEPT

A. V. Alekseev

The subject of the paper is the symbolic component of the concept of *trud* and its changes from the Old Russian period to the 20th century. The methods of the Petersburg school of conceptology and historical lexicology are used. The word *trud* is analyzed with the help of lexical-semantic description of the concept name, its derivatives and synonyms. We have established the continuity of the cultural meaning from the Old Russian language to modern Russian: the synonymous pair *trud i podvig* – the syntactic construction *podvig truda* – the syntactic construction *trudovoy podvig*. It is concluded that the symbolic meaning of ‘hard work – being closer to God’ has been transformed in the history of the Russian language into the symbolic meaning of ‘hard work – civic dignity’.

Keywords: historical lexicology, lexical semantics, cultural meaning, concept, the word *trud*, sememe, semantic feature, Old Russian language, image, notion.

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
2. Kolesov V.V. Koncept kul'tury: obraz – ponyatie – simbol // Vestnik SPbGU. Seriya 2: Istorija, yazykoznanie, literaturovedenie. 1992. № 3. S. 30–40.
3. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1975. 846 s.
4. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4 / Pod red. D.N. Ushakova. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1940. 1502 s.
5. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4 / Pod red. A.P. Evgen'eva. M.: Russkij yazyk, 1988. 800 s.
6. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 17. M.–L.: Akademiya nauk SSSR, 1965. 2126 s.
7. Kolesov V.V., Kolesova D.V., Haritonov A.A. Slovar' russkoj mental'nosti. V 2 t. T. 2. P–Ya. SPb.: Zlatoust, 2014. 592 s.
8. Alekseev A.V. Semioticheskie kategorii yazyka i kul'tury pri diahronicheskom analize leksiki. M.: MGPU, 2013. 164 s.
9. Markova E.M. Tipologiya semanticheskikh transformacij praslavyanskoj leksiki i ee otrazhenie v russkom yazyke. M.: Izd-vo MGOU, 2007. 254 s.
10. Baburina K.B. Ehtnolingvisticheskiy aspekt v istoricheskoj leksikografii // Voprosy yazykoznanija. 1997. № 3. S. 48–52.
11. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 5. SPb.: Nauka, 1997. 527 s.
12. Uspenskij sbornik XII–XIII vv. M.: Nauka, 1971. 768 s.
13. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 25.12.2015).
14. Kolesov V.V. Filosofiya russkogo slova. SPb.: Yuna, 2002. 444 s.
15. Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyj. SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk", 1822. Ch. VI. 1478 s.
16. Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazykov. T. IV. SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk", 1847. 408 s.
17. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 4. M.: Tipografiya T. Ris": 1866. 626 s.